

Федюнина И. Э.
КОГНИТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ
И ПСИХОЛОГИИ

(на материале русских, английских и немецких идиом с общим значением
«Соккрытие информации»)

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
innafedyunina@yandex.ru

Тесная взаимосвязь когнитивной фразеологии и когнитивной психологии как смежных наук не вызывает сомнений. Основной задачей когнитивной психологии является изучение «психической деятельности, связанной с обработкой информации об окружении и о самом человеке» (Гейвин, 2003: 13). Когнитивная фразеология, в свою очередь, видит фразеологическое значение как двойственную сущность, содержащую «не только языковые знания, но и знания неязыковые, связанные с процессами концептуализации и категоризации» (Алефиренко, 2008: 8), и стремится к пониманию того, какие познавательные операции и коммуникативные интенции стоят за порождением и использованием ФЕ. Что же касается постулата когнитивной фразеологии о тесной связи значения и использования ФЕ с картиной мира и социокультурными устоями носителей языка, а также с ситуативными и субъективными факторами, он практически полностью согласуется с постулатом, сформулированным в работе американского психолога М. Форрестера: «Значение есть контекст и ситуация использования... Значение есть концептуальная структура... Значение есть культура» (Forrester, 1996: 42). Таким образом, исследование взаимосвязи когнитивной фразеологии и когнитивной психологии – это исследование взаимодействия ФЕ (их семантики и контекстуального употребления) с когнитивной системой носителей языка.

ФЕ русского, английского и немецкого языков (РЯ, АЯ и НЯ), ставшие материалом исследования в данной статье, изучались нами как репрезентанты фрагмента концептуального поля «Обман». Внимание будет сосредоточено на анализе образных основ, оценочного аспекта значения и контекстуального поведения ФЕ как ведущих факторов их иллокутивного эффекта.

Неоднозначность отношения к феномену обмана определено является межкультурной универсалией. Отметим, что специалисты (Щербатых, 2007; Eckman, 1997; Sweetser, 1987 и др.) уделяют немалое внимание когнитивно-психологическим аспектам обмана и его оценочного восприятия, влиянию нечестного поведения на познавательные процессы и состояние психики. Для нашего исследования представляется важным следующее. Во-первых, поскольку само понятие обмана принадлежит к числу т. н. сложных понятий, возрастает роль эмоционального и ситуативного факторов в его восприятии и оценке. Во-вторых, когнитивно-психологической основой неоднозначности восприятия и оценки обмана является когнитивный диссонанс, или внутренний конфликт. Суть его заключается в противоречии между невозможностью строить отношения и достигать целей, совершенно не прибегая к обману, и отнесением обмана к категории действий, совершение которых чревато общественным осуждением и негативной самооценкой. Как показывает повседневный опыт, для разрешения данного конфликта имеется два пути: либо выработать некий перечень ситуаций, в которых обман приемлем и может быть хотя бы частично оправдан, либо вовсе не квалифицировать высказывание или действие как обман, если они имеют позитивную цель. В силу этого при восприятии и оценке обмана важную роль играет оценочная категоризация – «результат интеракции двух концептуальных систем – той, что имеет происхождение из физического мира и той, что производна от человеческой системы ценностей» (Boldyrev, 2002: 5). Этой модели категоризации присуща креативность – функционируя относительно исходной «логической» модели, она может принимать разные формы «сосуществования» с ней – от полной согласованности до полного игнорирования.

Способы разрешения вышеупомянутого конфликта, безусловно, должны найти отображение во фразеологических репрезентациях концепта «Обман». Поскольку с позиций когнитивной психологии концептуальная система существует в виде взаимосвязанных и взаимопроникающих концептуальных полей, мы предположили, что в основе

категоризации сокрытия как формы обмана может лежать корреляция соответствующего фрагмента концепта «Обман» с другими концептами носителей языка, причем не все они негативны в оценочном плане. Данные корреляции могут быть выявлены посредством анализа ФЕ-репрезентантов. Согласно точке зрения П. Экмана, сокрытие есть такой же обман, как, например, дезинформация: «Соккрытие и фальсификация – две различных техники достижения одной и той же цели – сознательного введения в заблуждение» (Ekma, 1997: 334).

Анализ фактического материала показал, что важным критерием концептуализации и категоризации сокрытия в обыденном сознании (как в признаковом, так и в оценочном аспектах) является содержание утаиваемой информации. В соответствии с ним можно условно выделить три группы ФЕ.

Первая группа объединена семантическим вариантом «скрывать дурной поступок, преступление, компрометирующую информацию»: *прятать концы в воду/концов не найти, заметить следы* (РЯ), *to cover up one's tracks* (АЯ), *Dreck verscharren* (НЯ) и др. ФЕ этой группы несут фиксированную отрицательную оценку, во многом обусловленную образным компонентом значения. Например, образная основа ФЕ *заметить следы* и *cover up one's tracks* связана с доменом-источником «Охота», имплицитно дополняя дополнительный признак трудности разоблачения обмана и отсылая к концептам «Опасность», «Вред». Немецкая идиома *Dreck verscharren* выражает еще более неприязненное отношение к субъекту действия и скрываемой информации (*Dreck* – грязь), а глагольный компонент имплицитно выражает идею неизбежности разоблачения (*verscharren* – «закопать неглубоко»). Иллокутивный эффект достигается взаимодействием образной основы и экстралингвистической информации, содержащейся в контексте. Характерные чувства-отношения – неодобрение, недоверие, неприязнь: • Обман и подлог. Вот мерзавцы-то. Хорошо, что я проверил сразу. ...через год ...концов... было бы не найти. (Устинова, 2004: 279) • Wenn der Schuft tötet, ist er sehr gründlich ...um alle Spuren... zu entfernen (Nesbo, 2007: 113). В рамках данной группы наблюдается интересный пример межъязыкового сближения ФЕ. Идиома *скелет в шкафу*, которая является калькой с ФЕ АЯ *skeleton in the cupboard*, адаптировалась в РЯ, сохранив весь импликационал исходной ФЕ: • «А с Островским у нее хорошие отношения?» О, плакать перестала, зато занервничала. У вас, Любовь Григорьевна, тоже скелеты в шкафах пылятся? (Маринина, 2003: 168)

Вторую группу составляют ФЕ *напустить туману, играть втемную* (РЯ), *keep smb in the dark, keep the lid on smth* (АЯ), *etw. in Nebel hüllen* (НЯ) и др. Нетрудно заметить, что внутренняя форма большинства ФЕ данного ряда актуализирует прототипическую образную ситуацию лишения реципиента возможности видеть или насильственного удерживания его в темноте. Учитывая, что большая часть информации о мире поступает к человеку через органы зрения, такой образ осуществляет четкую ассоциацию с концептом «Опасность» и вызывает чувства протеста, раздражения и т. п. Вместе с тем в семантике ФЕ данной группы не присутствует обязательный признак неприглядности или преступности скрываемой информации; их общее значение – «утаивать информацию о некоем положении дел, проблемах или фактах своей жизни». Поэтому при сохранении общей негативной коннотации ФЕ при категоризации поведения субъекта немалое значение приобретает контекстуальная информация. • ...he was brooding about something and I want to know what it was. I was a good wife to him and I won't be kept in the dark... (Grafton, 1999: 18). В данном случае сокрытие информации вызывает неодобрение, досаду, раздражение, так как реципиент хочет (и считает себя вправе) знать истинное положение дел. Также неприязнь к подобной тактике поведения может носить характер личных предпочтений, убеждений, принципов: • Я люблю иметь дело с людьми честными, порядочными и не люблю *играть втемную* (Алексеев, 1995: 205). В контекстах РЯ часто репрезентируется мысль о недопустимости утаивания важной информации (даже неприятной) от близких людей. При этом характерна высокая степень эмоциональности восприятия: • ...ведь нельзя же так, честное слово! *Напустить туману*, ...а потом спрятаться в кусты... Такой стиль общения допустим между чужими людьми, но между близкими, родными... Это уж слишком (Маринина, 2003: 34). Здесь, как видится, иллокутивный эффект достигается противопоставлением действия, передаваемого образом-основой ФЕ и лексем *близкий, родной* (нарушение важной поведенческой границы «свой – чужой»). Такое поведение квалифицируется как бесчестное; прослеживается корреляция с концептами «Унижение», «Оскорбление», «Предательство», обуславливающая чувства возмущения, негодования.

К третьей группе относятся ФЕ с общим значением «утаивать свои намерения, чувства, мнение»: *не раскрывать карты* (РЯ), *to keep one's cards close to the chest* (АЯ), *sich in die Karten nicht gucken lassen* (НЯ) и т. д. Большинство ФЕ этой группы близки к полной структурно-семантической и функционально-смысловой эквивалентности. В их основе лежит прототипический образ карточной игры. Эти ФЕ имеют флукутирующую оценку, поскольку причиной сокрытия намерений и чувств не обязательно является их бесчестность или злонамеренность – это может быть просто нежелание ими делиться. Образная основа отсылает к концепту «Игра»: в игре, тем более карточной, определенная скрытность не только допустима, но и необходима. В силу этого степень контекстуальной скрытности ФЕ данной группы выше, нежели в других. Оценка зависит от того, как говорящий относится к скрытности собеседника – считает ли себя вправе знать правду, видит ли в утаивании информации какой-либо вред и т. д.: (1) • *...er hält mit irgend etwas hinter dem Berge. Es wäre mir lieber, er würde es offen sagen* (Duden, 2002: 175). • Человека нельзя лишать права на ошибку. Ты... выкладывай, за пазухой не держи (Леонов, 1995: 210). В этих ситуациях негативное восприятие факта сокрытия обусловлено его очевидностью, желанием реципиента знать истинные чувства и намерения собеседника и уверенностью во вредоносных последствиях их утаивания. (2) • *«...he played things close to the chest, especially when it came to work». "But it was strictly professional, then why go to all the trouble...?"* (Grafton, 1999: 256) Здесь скрытность субъекта мотивирована спецификой профессии, и поэтому видится говорящему вполне нормальной и оправданной. (3) • *Wir wollen uns von den Konkurrenz nicht in die Karten sehen lassen* (Duden, 2002: 398). В этом контексте поведение субъекта вообще не квалифицируется как обман, а предстает как разумная самозащита, учитывающая актуализацию потенциальной опасности «противника».

Особого внимания заслуживают контексты, репрезентирующие утаивание информации как действие более предпочтительное, нежели ее разглашение: • *Es ist gut möglich, das die Tatsache, die Wahrheit im dunkeln zu halten, etwas mit Altruismus zu tun hatte – zu lügen war dabei nicht die Schlimmste...* (Duden, 2002: 842) В подобных случаях реализуется корреляция с концептами «Такт», «Милосердие», а само действие практически получает позитивную оценку. Сокрытие воспринимается как возможность избежать психологического дискомфорта и бессмысленного причинения боли другим людям, сгладить неприятную ситуацию. При этом скрываемая информация не обязательно негативна и ее утаивание может не вредить окружающим. В таком ракурсе категориальные признаки часто смещаются и действия субъекта вообще не квалифицируются как обман.

Важно заметить, что представление о ситуациях, в которых однозначно осуждается (и расценивается как предательство и бесчестное поведение) не утаивание, а, напротив, разглашение информации, практически универсально у носителей исследуемых языков. Это представление реализовано особой фразеосемантической группой с общим значением разглашения информации семейного, интимного характера (особенно негативной), а также сведений, доверенных субъекту в качестве секрета: *выносить сор из избы, стирать чье-л. грязное белье* (РЯ), *to spill the beans, to come out in the wash* (АЯ), *etw. schmutzige Wäsche waschen* (НЯ) и др. Все ФЕ данной группы несут фиксированную отрицательную оценку и характеризуются повышенной экспрессивностью. Образные ассоциации и потенциальные смыслы искажения информации и причинения вреда тесно связывают эти ФЕ с концептами «Разрушение», «Предательство». Контексты часто объективные болезненные, разрушительные последствия разглашения информации; характерные чувства – неприязнь, гнев, отвращение, возмущение: • *«It was Elsa who insisted on spilling the beans... but she did at least want to be honest». "A lot of additional pain and grief is caused by honesty"* (Christie A., 1984: 67). • Вы не расследование проводите, а копаетесь в грязном белье и упиваетесь этим! (БФСРЯ, 2006: 594).

Результаты анализа ФЕ, репрезентирующих сокрытие информации, можно сформулировать следующим образом. Основными критериями категоризации представлений о сокрытии являются содержание утаиваемой информации и отношение реципиента. На лингвистическом уровне это выражено в наличии трех фразеосемантических групп, каждая из которых репрезентирует дифференциальные признаки содержания информации и несет соответствующую оценку. Однозначное неодобрение выражают ФЕ, посредством которых объективируется корреляция с негативными концептами «Опасность», «Предательство», «Унижение» (в содержательном аспекте им соответствуют сокрытие преступ-

лений, дурных поступков и злонамеренное утаивание). Такое сокрытие воспринимается как дезинформация, причиняющая вред. Единицы лексического уровня, составляющие контекстуальное окружение этих ФЕ, также несут исключительно негативную оценку. Но факт сокрытия может подаваться и восприниматься как действие необходимое и оправданное, а также одобряемое социальными нормами и традициями (корреляция с нейтральными или позитивными концептами «Игра», «Такт», «Милосердие», «Вежливость»). В контекстах реализации ФЕ с флуктуирующей оценкой значение имеют не столько факт утаивания и объективное содержание информации, сколько ее значимость для участников ситуации, отношения между ними, цель субъекта и т. п. Важной межкультурной универсалией является также четкая ментальная модель ситуаций, в которых резко осуждается не сокрытие, а разглашение информации. Таким образом, иллюкутивный эффект ФЕ может способствовать категоризации сокрытия как: 1) формы обмана и составляющей негативных концептов; 2) формы обмана и составляющей нейтральных или позитивных концептов; 3) составляющей позитивных концептов, которая вообще не квалифицируется как обман. С другой стороны, представления о сокрытии, уже имеющиеся в концептуальной системе носителя языка, в свою очередь влияют на формирование и функционирование соответствующих ФЕ. Как представляется, дальнейшие межъязыковые исследования закономерностей взаимодействия ФЕ и процесса категоризации могут дать ценный материал для когнитивной фразеологии и когнитивной психологии как смежных областей когнитивной науки.

Литература

- Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в свете лингвистического постмодернизма: Монография / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
- Алексеев, С. Т. Сокровища Валькирии: Роман / С. Т. Алексеев. – М.: Ковчег, 1995. – 432 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 748 с. (БФСРЯ)
- Гейвин, Х. Когнитивная психология / Х. Гейвин. – СПб.: Питер, 2003. – 272 с.
- Леонов, Н. И. Ловушка: Роман / Н. И. Леонов. – М.: ЭКСМО, 1995. – 464 с.
- Маринина, А. Б. Закон трех отрицаний: Роман / А. Б. Маринина. – М.: Эксмо, 2003. – 432 с.
- Щербатых, Ю. В. Искусство обмана / Ю. В. Щербатых. – М.: Эксмо, 2007. – 720 с.
- Boldyrev, N. N. Evaluate Categorization / N. N. Boldyrev // Abstracts (from Cognitive Linguistics East of Eden, Sept. 12th-13th 2002). – Turku, Finland, 2002. – 52 p.
- Christie, A. Five Little Pigs / A. Christie. – N.Y.: Berkley Books, 1984. – 216 p.
- Ekman, P. Lying and Deception / P. Eckman // Memory for Everyday and Emotional Events. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – P. 333-347.
- Forrester, M. Psychology of Language. A Critical Introduction / M. Forrester. – London: SAGE Publications, 1996. – 113 p.
- Grafton, S. N is for Noose / S. Grafton. – London: Pan Books, 1999. – 353 p.
- Nesbo, J. Der Fledermausmann / J. Nesbo. – Berlin: Ullstein, 2007. – 432 S.
- Redewendungen. Wörterbuch für deutschen Idiomatik / 2., neue bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim: Duden Verlag, 2002. – 955 S. (Duden)

Summary. The article focuses on Russian, English and German idioms denoting concealment of information. Cognitive studies of the idioms is aimed at revealing the ways cognitive phraseology and cognitive psychology interact. The author also discusses the key factors that determine Russian, English and German speakers' attitudes to concealment.